

Владимир Квашнин

Атя и Ома¹

Крутобокая медведица Ома, женщина-красавица в самом расцвете сил, лениво смахнула лапой с носа назойливое комарьё и открыла глаза. Рядом, ткнувшись в её тёплый бок, сладко посапывали полуторагодовалые Аги и Пыг. И пора было бы пестунам уже отчаливать в собственное плавание, но медвежата всё никак не могли расстаться с любимой матерью, да и она не спешила их прогонять и постоянно, изо дня в день, учила всему, что умела и знала сама. Отца они отродясь не видели — знать, тот ещё гулеван, но им и с мамой было хорошо, вокруг была родная тайга, рыбная речка, боры со сладкой брусникой и такой же смоудиной по густым тальниковым берегам. Жизнь представлялась интересной и счастливой. Никто не смеет их здесь обидеть. Тайга была и домом, и крепостью, а мама — их главной защитой.

Но в это раннее летнее утро чуткий нос Омы среди тысяч знакомых запахов уловил самый страшный в тайге — запах дыма. По неведомой причине где-то там полыхнула тайга, и, подчиняясь нагиску южного ветра, всё набирая и набирая силу, огненный вал покатился по предгорьям Приполярного Урала, уничтожая всех и всё на своём пути. Какое спасение животным? Одно — бегство. Паническое, до полного изнеможения, иначе — смерть. Горячее дыхание огненного зверя то обжигало пятки, то отставало на длинных болотах, и семья, немного остудившись в водах очередного ручья, уходила всё дальше и дальше на север.

Они спаслись. Мудрая Ома ещё долго искала и, наконец, облюбовала кедровый массив тайги с наливающейся шишкой и рыбной речкой, неторопливо вьющейся среди крутолобых сопков. Обойдя по кругу новые владения, она не встретила ни знаков, ни особых отметин присутствия других медведей и была этому несказанно рада, тем более под еловым выворотнем она нашла просторную берлогу предыдущего хозяина.

Правда, было одно «но». Внизу по речке она наткнулась на зимовье охотника. Осмотрев всё внутри избушки и около, Ома ничего особо интересного не

нашла, запахи человека были слабы, значит, здесь он появляется только зимой. Медвежата пробовали на зуб всё что можно, но добраться до сладостей, закупоренных в двухсотлитровой бочке, при всём их старании они не смогли. А вот железную печку, пыхтя и кряхтя, они всё же выкатили на поляну перед избушкой и тут же порвали над ней в лоскутья оленью шкуру вместе со спальником охотника, которые нашли под потолком избы. С чувством выполненного долга, самым решительным образом заявив о своём царском присутствии, дружная семья удалилась в глубь тайги.

Ещё до прихода сюда медвежьего семейства охотник-манси по имени Спиридон возвращался к своему зимовью по только ему ведомой, проторённой ещё его дедами-прадедами охотничьей тропе-путику. За ним, еле поспевая, вприпрыжку бежали его сыновья-погодки — Стёпка и Васька, восьми и девяти лет от роду. Как и его в своё время, он с малолетства обучал своих детей премудростям охотничьего дела. Угодья у него были родовые, то есть перешедшие от отца, тому — от деда. Что и требовалось от него, так это поддерживать в рабочем состоянии самодельные, изготовленные из подручного материала деревянные охотничьи ловушки: слопцы на глухаря, кулёмки на соболя, черканы на горностая и особые петли-ловушки на росомаху. Если в начале зимы её не убрать с охотничьего участка, можно считать, что промысла не будет, только лапки от соболей — вот и вся охотничья добыча. Был на сосновой гриве и особый, из толстенных брёвен срубленный домик-ловушка на тот случай, если забредёт зимой медведь-шатун.

Стоял золотой сентябрь. Старое зимовье на берегу таёжной речки с материнской любовью всякий раз встречало своих жильцов. Утомлённое за день неяркое северное солнце, сладко целуя на прощание ребятишек, не спеша устраивалось ночевать на мягких мхах ближайшей сопки. Ребята запалили костёр, а отец, не успев отпустить по реке на прочной капроновой нити «кораблик», уже вытащил двух переливающихся радугой хариусов. Не

1. Атя — папа, ома — мама (манс.).

отходя от воды, он выпотрошил рыбу и поставил котелок на огонь.

Варилась уха, фыркал под крышкой сердито чайник; укравшись тёплым одеялом тумана, где-то за сопками спало солнце. Люди, всяк по себе занимаясь хозяйскими делами, изредка перебрывались словами. Надо отметить, что бабушка Матра строго-настрого запретила им разговаривать и с отцом, и со всеми родственниками, тем более с ней, на русском языке. В школе — как душе угодно, дома — только на мансийском.

Долгими вечерами, когда у костра под яркими осенними звёздами, а когда в избе под шёпот дождя, дети просили своего любимого атя рассказать какую-либо историю. Спиридон, вспоминая сказания предков, учил детей уму-разуму, рассказывал познавательные мансийские легенды и сказки, которые знал в великом множестве. Доступно и просто объяснял на первый взгляд необъяснимые вещи, утоляя их жгучий интерес. В своём будущем дети уже видели себя великими охотниками. А в таёжном посёлке это было самое прибыльное дело. Их мама, когда они были ещё маленькие, сильно заболела и через полгода умерла. Жили они теперь с отцом, а когда он уходил на промысел, переходили к *анекве*² Матре, родной бабушке по маме.

Нет, наверное, на свете такого зверя, которого не смог бы добыть охотник-манси. Спиридон водил по тайге сыновей, показывал им следы и доступно объяснял, кому они принадлежат, когда и какой зверь прошёл, самка это или самец, как и где ставить различные ловушки и как тот же черкан изготовить из подручного материала. Порою он осторожно выводил их на край болота и просил рассказать, что они перед собой видят. А что они могли видеть? Берёзовый лесок посреди болотины — вот и всё. Но, более внимательно всмотревшись туда, куда указывал палец отца, они вдруг чётко видели перед собою, буквально в сорока-пятидесяти метрах, красавца-лося, не обращавшего на них никакого внимания. Да, это целое искусство — подкрасться к зверю незамеченным, просчитывая каждый шаг. Наступи случайно на сухую ветку — и спугнёшь зверя, или поменяйся ветер — зверь тебя почует, и не видать тебе добычи как своих ушей. Каждый сентябрь отец брал ребят с собою в тайгу и год из года учил их охотничьим навыкам. И он знал, что они будут достойными продолжателями их охотничьего рода.

Шло время. Ребята выросли. Огромным событием для таёжного посёлка была установка вышки сотовой связи, а следом и протянутое за двести километров по тайге оптоволокно со скоростным интернетом от газоперекачивающей

станции. Как-никак, а на дворе двадцать первый век! И опустели улицы. Редко когда увидишь вечером молодёжь на крутом берегу деревяншй пристани — ранее излюбленном месте всех влюблённых парочек. Не услышишь ни душевных песен под черёмухой, ни страданий гармониста на реке. И как же завидно было братьям, когда они видели у друзей навороченные планшеты или айфоны. По зажиточным избам в большинстве своём стояли компьютеры, а что было у них? Старенькая кнопочная «Нокия», что подарил отцу когда-то дядя из Ханты-Мансийска, да чёрно-белый телевизор «Рекорд». Ни отец, ни тем более бабушка не могли себе позволить такие траты. На все просьбы старшие отвечали: «Учитесь, и всё у вас будет».

И действительно, Господь не обделил ребят умом и памятью — в школе всё схватывали на лету. Да, атя прав, и анеква тоже, но это когда ещё будет, а им же хотелось здесь и сейчас!

Однажды, подсматривая из-за плеча сверстника, как тот перелистывает по экрану телефона «Дзен», его взгляд зацепился за броскую рекламу: «Фирма скупает медвежью желчь по цене 120 тысяч за штуку». У Стёпки даже ноги подкосились и в горле пересохло от пришедшей в голову идеи.

Прибрав домой, он незаметно вызвал на улицу брата и изложил план действий, следуя которому, они могут несказанно разбогатеть. Сто двадцать тысяч для них были целым состоянием.

Стоял сытный, духмяный август. Жирная, вдоволь нагулявшаяся пелядь вышла из обмелевших заливных озёр Северной Сосьвы и тучными косяками скапливалась на глубоких плёсах низовий Ляпина перед длинным и опасным нерестовым ходом в хрустальные верховья Хулги.

Собрав немудрёную провизию на неделю, ребята запустили старенький лодочный мотор «Ветерок», который они уже с закрытыми глазами ремонтировали по десять раз за лето, и отправились на уголья. У отца еще с весны была прикуплена бочка бензина с танкера за вяленую пелядку.

Если дело выгорит, а они в этом даже и не сомневались, то и бензин ему купят, и новый мотор. Отец уехал под Игрим, на промысел тугуна, и вернётся только через месяц. Бабушке Матре они сказали, что поехали на рыбалку, так что алиби железное. Прихватив с собой старенькую, перемотанную на десять раз, но довольно крепкую одностволку шестнадцатого калибра с пулями, которые сами отлили из аккумуляторного свинца и откатали на чугунной сковородке, они отправились вверх по реке.

Добравшись до зимовья, они тут же, благо вечера были ещё светлые, сноровисто наставили в речных курьях десяток сетей разнорыбной ячи. Сперва ребята хотели зарядить приманкой медвежий сруб, что их деды изготовили на шагуна и действительно немало в нём их добыли.

2. Анеква — бабушка по маме (*манс.*).

Однако, представив, как в мешках будут таскать рыбу в качестве приманки к ловушке целых два километра по непролазной тайге, они отказались от этой затеи. Решили тут же, недалеко от избы, выкопать яму под огромной береговой елью и заложить туда пойманную рыбу, которая валом лезла в их сети. Главное — это аккуратно сделать направляющие загородки из ёлочек и на входе-выходе замаскировать стальные петли. Они были уверены, что через неделю медведи со всей округи соберутся сюда на званый пир отдавать им свою драгоценную желчь. Сказано — сделано. Ловушка получилась неприметная и качественная, а мягкий восьмимиллиметровый стальной трос не давал и шанса вырваться зверю.

Неделя подходила к концу, с нею и продукты, а желающих расстаться со своей желчью так и не находилось. Братья решили отметить дома, отдать бабушке рыбу и опять ехать караулить свой «миллион». Однако скоро вернуться не получилось, сперва из-за непогоды, потом — поломки мотора. Только через полмесяца они выехали за своим богатством.

Аги и Пыг, как ртуть перекатываясь с яра на песок и обратно, постоянно балуясь и задирая друг друга, не спеша продвигались вниз по реке. Ома далеко отстала, но всё видела и контролировала каждый их шаг. И тут ветер бросил на нос медвежат сладкий запах забродившей в яме рыбы. Не дожидаясь матери, они припустили к влекущей, как магнит, приманке. Когда Ома подоспела к детям, было уже поздно. Оба медвежонка попали в петли, которые при каждом их рывке затягивались всё туже.

Наверное, нет на свете более ужасного, чем смотреть матери на своего умирающего ребёнка, которому ты ничем не можешь ни помочь, ни облегчить страдания. А здесь — оба. День за днём медвежата на её глазах медленно угасали, обезвоженные, голодные, практически без глотка свежего воздуха. С каждым движением трос всё туже стягивал их тело. Постепенно их жалобный кулёж затих. На седьмой день они умерли.

Даже сопки содрогнулись от страшного рёва убитой горем матери. Лоси и олени мчались прочь от её безумной ярости, мелкое зверьё и птицы, не дыша, забились в глубь своих нор и гнёзд, когда она шла по тайге, круша всё и вся на своём пути. Всегда добрые и ясные глаза её были налиты кровью, и в них читалось только одно слово: месть!

А братья даже не догадывались о том, что произошло за время их отсутствия и какую беду они навлекли на свои головы. Осторожно, с ружьём наизготовку, они шли по своей тропинке к установленным петлям.

Василий даже и не понял, что случилось, когда свет померк в его глазах от страшного удара медвежьей лапы сзади под основание черепа.

Степан отпрянул и бросился назад к лодке, но, не добежав, тоже был сбит с ног. Десятисантиметровые когти медведицы пергаментом сняли скальп с головы беллеца, при этом они впились и в глазницы, моментально лишая его и зрения. Из последних сил паренёк добежал и упал в лодку, которую подхватило течение и медленно понесло к далёкому посёлку.

Только на третий день местные рыбаки-удильщики заметили плывущую посредине реки пустую казанку. Когда они подтянули её к берегу, им открылась страшная картина. Скоро прибежал участковый, потом глава администрации; люд всё прибывал и, оглушённый, потерянно толпился вокруг лодки; женщины громко всхлипывали, временами переходя на пронзительный, выворачивающий душу нечеловеческий вой. А по прогулке соседки вели, скорее, несли к реке под руки простоволосую бабушку Матру. Её седые космы раздувал ветер, по щекам, не останавливаясь, ручьём катились слёзы. Как же больно и страшно было смотреть в этот момент на убитую горем старую женщину!

Уже к вечеру следующего дня, где на перекладных, где — как, с лодки на лодку, приехал Спиридон. Всё случившееся казалось ему страшным, дурным сном. Никто не мог даже предположить, в том числе и он, как это всё могло произойти и где сейчас находится его второй сын. Однако, взяв себя в руки, он стал просчитывать ситуацию и пришёл к выводу, что ребята были, скорее всего, на своих родовых угодьях. Туда он и отправился.

Поздним вечером угрюмым молчанием встретило его пустое зимовье. Утром, даже не завтракая, взяв свою помощницу — лайку Нёкси, он пошёл искать сына. А его и искать-то особо было не надо. Хриплое карканье воронов привело его к месту недавней трагедии. Сперва к погибшим, уже расклёванным птицей медвежатам, а потом и к невысокому холмику свежей земли, из которого виднелись ярко синие кроссовки сына, те самые, что он сам весной подарил в честь успешного окончания десятого класса.

— За что? За что? За что вы покарали меня, боги?! — твердил, как заклинание, Спиридон, неся в руках к лодке искалеченное тело своего ребёнка.

На следующий день два домика-могилки пополнили местное мансийское кладбище. Если взрослым усопшим в погребальный сруб клали ружьё и лыжи, табак и тёплую одежду, так как очень долг путь к Торуму по Нижнему миру, то детям и положить-то особо было нечего. Только игрушки, которые когда-то вырезал из дерева им отец, и тот самый старенький сотовый телефон. Надо отметить, что свои захоронения таёжный народ устраивает в потаённом, труднодоступном месте, на высоком сухом торфяном или песочном бугре,

поросшем кедром, среди самого непроходимого болота. Пойдём дальше от медведиц и любопытных глаз.

И каковы же были страхи и удивление родных, пришедших на следующий день по только им ведомой в болоте тропке помянуть детей, когда они увидели разрытые могилы ребят и искалеченные, ещё более обезображенные тела.

Даже старики не могли припомнить такого случая в своей жизни. Люди перешёптывались, кто — крестился, кто — матерился. Ребят опять похоронили, но и через ночь повторилось то же самое.

И Спиридон понял, кто это сделал. Каким наитием и сверхъестественным чутьём мать медвежат смогла отыскать посёлок за семьдесят километров и спрятанное в глубине болот кладбище, только Богу было известно. Однако это было так, Спиридон всем своим нутром почувствовал, что это была именно она, и разрешить прогнвостояние родителей могла только их встреча. Молча прощавшись с убитой горем Матрой и родным посёлком, он взял двустолбуку и в ночь пошёл к детям на далёкое кладбище.

Стемнело. Луна время от времени скудно освещала притихшее болото. Да Спиридон особо и не надеялся что-то увидеть или разглядеть. Только опыт бывалого охотника — меткий глаз, отличный слух, реакция и звериное чутьё — был на его стороне. Временами его веки опускались, казалось, что он уснул, но, уйдя глубоко в себя, он спрашивал свою совесть: правильно ли он воспитывал детей? Кого винить в трагедии? Если бы не уехал на заработки, всё было бы по-другому. Или причины кроются где-то гораздо глубже? Почему они, будучи мальчишками, знали и свято соблюдали законы предков: птицу на гнезде не бить, лося летом не трогать, медведя обходить стороной? Тем более что, по их поверьям, он и является прародителем человека. Разве не этому он их учил?.. Что за страшный зверь разрушил в их душах всё то, чем жили манси веками?.. Значит, причиной его

беды явились эти разноцветные бумажки с нулями. Это ли не изощрённый инструмент дьявола? Да, все беды человека от денег.. А что ты, Спиридон, сейчас здесь тут делаешь? Хочешь отомстить медведице за своих детей? А она? Ты хотя бы не видел их мук, она же минуту за минутой целую вечность наблюдала, как умирают её дети, не имея возможности ни прекратить, ни облегчить их непереносимые страдания.

— Господи, вразуми и направь на путь истинный раба Твоего, Господи!

Нет, не помогли Спиридону ни молитва, ни опыт, ни шнорвка, ни меткий глаз и острый слух. На всякого охотника в жизни всегда найдётся свой охотник. Так и нашли их пришедшие утром родичи в высоком багульнике на краю болота. Атя — с зияющей смертельной раной в груди и Ома — с охотничьим ножом Спиридона меж рёбер. Они лежали рядом, и какое-то не познанное при жизни чувство душевного умиротворения светилось в глубине их остекленевших глаз. Что мы знаем о потустороннем мире? Сказания и легенды, предположения учёных да досужие домыслы, но всем без исключения сейчас истово верилось, что родители встретились со своими детьми.

Люди, опустив головы, молча стояли вокруг места схватки. И тут неожиданно звонко и задорно в кроне кедра над их головами радостно забулькал тетерев, потом ещё один и ещё. Где-то в глубине болот журавли нежно тронули свои серебряные арфы, им трубно откликнулись лебеди, а прилетевший нарядный дятел, усевшись на еловую сухостойну, громко и задорно отбарабанил свой единственный, навеки заученный стих.

Да, жизнь продолжалась, и только слёзы Всевышнего опять блестели на поникших травах и мхах от самых ног столпившихся людей до еле видимой, дрожащей в мареве восходящего солнца тонкой ленточки горизонта. И сколько их ещё будет пролито на Землю, только Ему и ведомо.